

Невидимки

Автор:

Чак Паланик

Невидимки

Чак Паланик

«Невидимки».

Роман, который Чак Паланик написал задолго до «Бойцовского клуба».

Тогда эту книгу оценили очень немногие.

Теперь – наконец-то! – стало ясно: Чак Паланик был хорош всегда. Просто – время воспринять его прозу настало не сразу...

Эту книгу ее рассказчица пишет собственной кровью.

Когда ее читаешь – возникает ощущение, что собственной кровью ее написал Чак Паланик...

Чак Паланик

Невидимки

Печатается с разрешения автора и его литературных агентств Donadio & Olson, Inc. и Andrew Nurnberg.;

© Chuck Palahniuk, 1999

© Перевод. Ю. Волкова, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Посвящается Джоффу, сказавшему:

- Вот как надо воровать наркотики.

И Ине, сказавшей:

- Вот контурный карандаш для губ.

И Дженет.

- Вот шелковая горжетка, - сообщила она.

А еще моему редактору, Патриции, не устававшей повторять:

- Над этим еще следует поработать.

Глава первая

Мы на грандиозном свадебном торжестве в одном из здоровенных особняков в Вест-Хиллз. Дом утопает в цветах. Пахнет фаршированными грибами.

Это называется художественным оформлением представления. Здесь присутствуют все - те, кто жив, и те, кто умер. Свадьба Эви Коттрелл в самом разгаре. Эви стоит посередине огромной лестницы лицом к столпившимся в

холле гостям. На ней лишь то, что осталось от восхитительного подвенечного платья. В руке у Эви винтовка.

Я внизу, у нижней ступени. Вернее, здесь мое физическое «я». Где находится мое сознание – не знаю.

Никто еще не распрощался с жизнью окончательно, но можно смело сказать, что часики уже тикают.

Вообще-то назвать участников этой колоссальной человеческой драмы по-настоящему живыми тоже нельзя.

Если вам интересно узнать, кто такая Эви Коттрелл, посмотрите ряд рекламных телепередач об органических шампунях, в которых она снималась. Сейчас Эви стоит голая, в металлических обручах вокруг бедер, оставшихся от съеденного огнем свадебного платья. На ушах у нее проволочные скелетики шелковых цветов, совсем недавно украшавших шикарные, зачесанные назад волосы всех оттенков светлого. Уложенные в праздничную прическу, залитые лаком. Ее волосы... Их тоже поглотило пламя.

Здесь присутствует еще одно главное действующее лицо – Бренди Александр. Получив огнестрельное ранение, она распростерлась на полу у подножия лестницы и истекает кровью.

Я смотрю на красный поток, струящийся из пулевого отверстия на теле Бренди, и сознаю, что воспринимаю происходящее как осуществление некоей социополитической программы. Я не зря упомянула о рекламных телепередачах с шампунями, с десятками клонов одного и того же человека. Все это относится и ко мне, и к Бренди Александр. Выстрел в кого бы то ни было в этом доме – моральный эквивалент убийства автомобиля. Или пылесоса. Или куклы Барби. Он сравним с уничтожением информации на компьютерном диске. С преданием книги огню. Наверное, точно так же можно рассматривать любой акт убиения, совершенный в той или иной точке земного шара. Все мы почти не отличаемся от продуктов, порожденных цивилизацией.

Бренди Александр, первоклассная красавица без комплексов и предрассудков, настоящая королева, лежит на полу, и из дыры в ее восхитительном жакете течет кровь. Жакет – от костюма, подделки под Боба Маки. Бренди купила его в

Сиэтле. Юбка утягивает ее задницу так, что та походит по форме на сердце, которое так и хочется потрогать. Если я скажу, сколько стоит этот костюмчик, вы не поверите. Цена умопомрачительная! Жакет с баской, широкими лацканами и подплечниками. Однобортный, и обе полочки абсолютно одинаковые. Хотя сейчас в одной из них уродливая дыра, и из нее течет кровь.

Эви начинает рыдать. Она стоит все там же, посередине лестницы. Эви. Смертоносный яд настоящего мгновения. Мы все, как по сигналу, устремляем взгляды на нее: на бедную, несчастную невесту, лысую, голую, осыпанную пеплом, окруженную клеткой из металлических обручей от сгоревшего свадебного платья. Эви бросает винтовку. И медленно опускается на ступеньку, продолжая выть. Можно подумать, плачем что-нибудь исправишь. Лицо и руки Эви черные от гари. Винтовка, тяжелая, тридцать какого-то калибра, с грохотом и лязгом летит вниз по ступеням, скользит по полу холла, тормозит в центре и начинает вращаться. Ее дуло устремляется на меня, на Брендю, на ревущую Эви...

Только не подумайте, что я какая-нибудь бесчувственная лабораторная тварь, приученная не обращать внимания на страдания и насилие. Однако в данный момент я размышляю лишь о том, что, возможно, еще не поздно попытаться удалить кровавое пятно с белого жакета Брендю, хотя бы при помощи минералки...

До некоторых пор вся моя взрослая жизнь сводилась к тому, что за невероятную уйму денег в час мне, разнаряженной и причесанной, следовало стоять на огромном куске бумаги и выполнять требования какого-нибудь фотографа, нанятого той или иной известной компанией. Он говорил, какие чувства и эмоции я должна изображать.

- Покажи мне страсть, детка! - кричит фотограф.

Вспышка.

Покажи мне злобу!

Вспышка.

Покажи мне отрешенность, внутреннее опустошение экзистенциалиста.

Вспышка.

Покажи мне неистовую интеллектуальность как способ выживания в этом мире.

Вспышка.

Возможно, то, что я сейчас испытываю, не что иное, как шок, ведь прямо у меня на глазах один из моих заклятых врагов выстрелил во второго моего заклятого врага. Все вышло как нельзя лучше. Бабах – и конфликт разрешен. Этот давний конфликт и мое знакомство с Брендзи Александр породили во мне странное чувство – желание трагедии.

Наверное, когда я поднимаю руку с носовым платком и подношу ее к лицу, спрятанному под густой вуалью, люди думают, что я утираю слезы. На самом же деле я просто закрываю нос, используя платок как своеобразный фильтр – дышать в горящем доме Эви становится все более затруднительно. Воздух гуще и гуще наполняется сизым дымом.

Я сижу, опустившись на колени рядом с Брендзи. Мне ничего не стоит достать откуда-нибудь из многочисленных складок своего платья таблетки – «дарвон», «демерол» и «дарвоцет-100». Тогда на мне сосредоточилось бы всеобщее внимание.

Мое платье из набивного ситца – нечто похожее на Туринскую Плащаницу. Коричнево-белое, широкого покроя, с драпировкой. Длинный ряд блестящих красных пуговиц выглядит подобно стигматам на теле святого. Лицо мое скрыто под несколькими ярдами черной органзово-вуали, украшенной вырезанными вручную крошечными австрийскими звездочками из хрустала. Никто не видит, какое у меня лицо, но в этом весь смысл. Я смотрюсь элегантно и святотатственно, а потому чувствую себя необыкновенно – божественной и аморальной.

Воплощение высокой моды, становящееся все более экстравагантным.

Языки пламени неумолимо движутся вниз по обоям в холле. Это я разожгла огонь, чтобы добавить декораций. Кажется, что дом, в котором мы находимся, ненастоящий. Что эта горящая постройка – декоративный особняк эпохи

Тюдоров, воссозданный по маленькой музейной копии, копии, копии. И что от подлинности нас отделяет сотня поколений. Хотя... Разве все мы – не реальность?

Прямо перед тем как Эви с криками выскочила на лестницу и выстрелила в Бренди Александр, я расплескала целый галлон духов «Шанель № 5» по ее спальне, подожгла пригласительный билет и бросила его на пол. Мгновение – и у меня в руках еще один шанс начать новую жизнь.

Забавно, но когда углубляешься в раздумья даже о самом крупном пожаре, какой когда бы то ни было знавало человечество, понимаешь, что он всего-навсего химическая реакция. Окисление. И осознаешь, что тело Жанны д'Арк просто соединилось однажды с кислородом.

Все еще вращаясь на полу, винтовка поворачивается стволом ко мне, к Бренди.

Независимо от того, насколько сильной кажется тебе твоя любовь к человеку, когда лужа крови, струящейся из его раны, растекается по полу настолько, что едва не касается тебя, ты невольно отстраняешься.

Кабы не эта жуткая драма, денек был бы чудесным. Сегодня тепло и солнечно, и сквозь раскрытую парадную дверь видны крыльцо и зеленая лужайка перед домом. С улицы тянет теплым запахом свежестриженного газона, и слышны голоса выскочивших из дома гостей. К настоящему моменту все они похватили приглянувшиеся им сувениры – из хрусталя и серебра, – вылетели на улицу и ждут теперь приезда пожарной бригады и медработников.

Бренди разжимает одну из своих крупных, украшенных кольцами рук и прикладывает ее к ране, кровь из которой залила уже практически весь мраморный пол в холле.

– Черт! – восклицает Бренди. – В «Бон Марше» этот костюм теперь ни за что на свете не примут назад!

Эви отрывает ладони от лица, заляпанного черными отпечатками пальцев, перемазанного слезами и слюнями, и вопит:

– Ненавижу свою треклятую занудную жизнь!

Эви поворачивается к Бренди Александр и орет:

– Займи мне местечко у окна, когда попадешь в ад!

На черных щеках Эви образуются две чистые дорожки от слез. Она кричит:

– Эй, подруга! Почему же ты ничего мне не отвечаешь?

Как будто произошедшее – это еще вовсе не драма, драма, драма, Бренди Александр устремляет на меня, продолжающую сидеть возле нее на коленях, испуганный взгляд. Ее баклажанные глаза расширяются до невообразимых размеров.

Она спрашивает:

– Неужели Бренди Александр сейчас умрет?

Эви, Бренди и я. Все, что здесь творится, – обыкновенная борьба за право быть лучшей. Каждая из нас – это я, я, в первую очередь я. Убийца, жертва, свидетель. Каждая из нас считает, что именно ей должна принадлежать роль лидера.

Возможно, все люди в мире воспринимают себя точно так же.

Все это – зеркало. Зеркало на стене. Красота – сила, равно как деньги, равно как оружие.

Когда я читаю в газете заметку о том, как злоумышленник похитил молодую женщину, как издевался над ней, ограбил ее, а потом убил, и вижу на первой странице огромную фотографию несчастной, на которой она улыбается и радуется жизни, то невольно думаю не о чудовищности совершенного преступления, а совсем о другом: что если бы ее нос не походил на здоровенный утиный клюв, она была бы вполне ничего. Потом мне в голову приходит другая мысль: если бы меня похитили и зверски надо мной поиздевались, я тоже предпочла бы отдать Богу душу. Затем размышляю о том, что убийство – один из

элементов естественного отбора.

Увлажняющая мазь, которой я пользуюсь, – суспензия неактивных зародышевых веществ в гидрогенизированном минеральном масле. Если я достаточно честна, значит, моя жизнь – это рассказ обо мне.

За исключением тех случаев, когда фотограф в моей голове кричит:

Покажи мне сопереживание!

Вспышка.

Покажи мне сочувствие!

Вспышка.

Покажи мне горькую правду!

Вспышка.

– Не дай мне умереть прямо здесь, на этом полу, – говорит Бренди, и ее крупные руки вцепляются в меня мертвой хваткой. – О, мои волосы! – стонет она. – На затылке они сильно примнутся!

Я прекрасно сознаю: Бренди с минуты на минуту может отправиться на тот свет, однако мне трудно в это поверить.

Завывания Эви становятся громче. Ко всему прочему, с улицы уже доносится рев сирены. У меня такое ощущение, что все эти звуки водружают мне на голову корону королевы Города Мигрени.

Винтовка продолжает вращаться на полу, но все медленнее и медленнее.

Бренди говорит:

– Бренди Александр мечтала прожить жизнь совсем по-другому. Она должна была быть знаменитой, лучшей из лучших. Перед смертью ей хотелось, чтобы ее хоть раз показали по телевидению в перерыве между таймами Кубка США по футболу. Показали попивающей диетическую колу, танцующей обнаженной медленный сексуальный танец.

Винтовка останавливается, ее ствол указывает в пустоту.

Эви хнычет, и Бренди выкрикивает:

– Заткнись!

– Сама заткнись! – орет в ответ Эви.

А огонь за ее спиной уже принимается поглощать расстеленную на лестнице ковровую дорожку.

Сирены гудят где-то совсем близко. Наверное, их тревожный вой слышен повсюду в Вест-Хиллз. Люди во дворе сбивают друг друга с ног, набирая 911. Каждому хочется прослыть героем. Но лица у всех растерянные. Никто не готов предстать перед телекамерами съемочной группы, которая вот-вот появится.

– Это твой последний шанс, дорогая, – говорит Бренди. Ее кровью залито все вокруг. – Ты любишь меня?

Когда предки задают тебе подобный вопрос, это означает, что ты перестанешь быть для них пупом земли.

Именно таким образом многие родители загоняют своих чад в опасную ловушку – возлагают на них роль своей главной поддержки в жизни.

Нависшее надо мной ожидание давит сильнее, чем сознание того, что я нахожусь в огромном доме, объятom пламенем. От меня хотят услышать всего лишь три самых затрепанных из всех известных миру слов, слов, встречающихся в любом манускрипте, в любом сценарии к фильму. Я не знаю, куда мне деваться. Три слова означают в данный момент так много. К ним сводится наше общение. И весь мой словарный запас. Я чувствую себя жутко беспомощной.

– Скажи же мне, – умоляет Бренди. – Ты любишь меня? Любишь ли ты меня по-настоящему?

Вот так напыщенно и преувеличенно вела себя Бренди Александр всю свою жизнь. Она была сплошным театром, а сейчас на глазах угасает.

Просто из желания немного подыграть ей я беру ее крупную руку в свою. Милый жест, хотя я тут же напрягаюсь, с испугом вспоминая о том, что вытекшая из Бренди кровь может содержать в себе болезнетворные микроорганизмы.

Раздается оглушительный грохот – обрушивается потолок в столовой. В холл сквозь дверной проем тут же вылетает фонтан искр и горящих углей.

– Даже если ты не в состоянии меня любить, расскажи мне, какой была моя жизнь, – говорит Бренди. – Любой девушке перед смертью хочется услышать свою историю.

А ведь мало кому удастся удовлетворить перед смертью потребности души.

В это мгновение огонь, уплетающий ковровую дорожку на лестнице, приближается к голой заднице Эви, и она, пронзительно вереща, подпрыгивает на ступеньке и устремляется вниз. На ногах у нее опаленные пламенем свадебные туфли на высоченных каблуках.

Без одежды и без волос, в металлических обручах и саже, Эви Коттрелл вылетает на улицу к гораздо более многочисленной аудитории – своим гостям, хрусталу и серебру и подъезжающим к дому пожарным машинам. Это мир, в котором живут современные люди. Изменяются условия существования, а с ними изменяемся и мы.

Итак, естественно, рассказ пойдет о Бренди, с которой свела меня судьба. Время от времени в нем будет возникать и Эвелин Коттрелл, а также смертоносный вирус СПИДа. Бренди, Бренди, Бренди. Бедная, печальная Бренди лежит на спине и прижимает руку к ране, из которой на мраморный пол особняка вытекает ее жизнь.

– Прошу тебя, расскажи, как все было. Что привело нас в этот дом, – говорит Бренди.

И я глотаю едкий дым, не желая портить для Бренди столь важный в ее жизни момент.

Покажи мне внимание!

Вспышка.

Покажи мне обожание!

Вспышка.

Покажи мне полный упадок сил.

Вспышка.

Глава вторая

Только не подумайте, что эта история будет поведена вам привычным образом: сначала случилось то-то, потом то-то, то-то и то-то.

Я пропитаю свой рассказ взбалмошным духом журнала мод, неразберихой и хаосом «Вог» или «Гламур», в которых номера проставлены далеко не на каждой странице. Таинственностью, похожей на ароматизированные карточки и выплывающих из ниоткуда обнаженных красавиц, рекламирующих косметику.

Не трудитесь искать «содержание». Оно не прячется, подобно тому, как это бывает в журналах, где-нибудь на двадцатой странице. И не надейтесь, что сразу что-нибудь отыщете. В этой книге все не по правилам, все необычно.

Та или иная история может прерваться в самый неожиданный момент.

Мы будем перескакивать из одного времени в другое.

Потом возвращаться назад.

Это напомнит вам о десяти тысячах разнообразных показов мод, по окончании которых идет анализ и борьба, и отбираются всего лишь пять поистине приличных нарядов. О миллионе стильных аксессуаров – шарфах и поясах, туфлях, шляпах и перчатках, которые не с чем носить.

Наверняка подобное – привычная для вас вещь. Вы должны чувствовать то, о чем я толкую, везде – в браке, на работе, во время езды по автостраде. Таков мир, в котором мы живем. Плыви по течению и ни о чем не задумывайся.

Перенесемся во времена двадцатилетней давности к белому дому, в котором я выросла. Мы с братом носимся по двору, а отец снимает нас на кинокамеру.

Перенесемся в настоящее. Вечер. Мои предки сидят на стульчиках на лужайке и просматривают те самые фильмы, проецируя изображение на белую стену все того же дома. Прошло двадцать лет. Многое почти не изменилось. Окно нашего коттеджа, записанное на пленку, совпадает с настоящим окном. А зеленая трава внизу – с живой травой. Только мы с братом в фильме совсем другие. Тогда и я, и он еще были еще совсем крохами. Мы бегаем по двору в диком восторге: нас снимают на камеру!

Перенесемся в тот момент, когда мой брат, уже совсем взрослый, умирает от чудовищной болезни – от СПИДа.

Перенесемся в тот период, когда я, тоже взрослая, по уши влюбляюсь в агента сысской полиции и уезжаю из дома в надежде стать супермоделью.

Помните, постоянно помните, что, подобно тому, как это бывает в журнале «Вог», незаконченная история обязательно придет к логическому завершению, только на какой-то другой странице.

Продолжение следует, пишут в «Вог».

Как бы внимательно вы ни читали эту книгу, вас ни на мгновение не покинет ощущение того, что вы что-то пропустили. Странное чувство недопонимания, легкое щекотание под кожей. Нечто похожее переживаешь, когда осознаешь, что проскочил мимо чего-то важного, мимо того, чему следовало уделить гораздо больше внимания.

Вам надо к этому привыкнуть. Однажды вы оглянетесь на прожитые дни, и ваша душа наполнится именно такими эмоциями.

Мы просто практикуемся. Так сказать, разминаемся. Вообще-то все это не столь важно.

Вернемся в настоящий момент. К лежащей на полу и истекающей кровью Бренди Александр. И ко мне. Я сижу на коленях рядом с ней и, пока не приехали врачи, рассказываю эту историю.

Перенесемся на несколько дней назад в гостиную богатого особняка в Ванкувере. Комната отделана узорчатыми панелями красного дерева – витиеватыми леденцами в стиле рококо и мраморными плинтусами. Пол тоже мраморный. Из мрамора и камин. Он резной, весь в затейливых завитушках. Богатые дома, где живут пожилые люди, часто оформлены именно так.

В покрытых эмалью вазах живые, а не шелковые, лилии. А кремовые занавески на окнах – из натурального, а не из искусственного шелка. Красное дерево – не сосна, выкрашенная под махагон. Ни одного светильника из прессованного стекла – имитации под хрусталь. И мебель обтянута не винилом, а натуральной кожей.

Все, что нас окружает, как будто перенесено из эпохи Людовика Четырнадцатого.

Перед нами очередная невинная жертва – агент по недвижимости. Бренди протягивает ей руку – с мощным запястьем, на котором выделяются толстые вены, здоровыми костяшками и внушительных размеров пальцами,

украшенными перстнями и кольцами. Камни на них зеленые и красные. Фарфоровые ногти Брендди покрыты ярко-розовым лаком.

- Место просто очаровательное, - говорит она.

Если рассматривать Брендди в деталях, то начать следует, несомненно, с ее рук. В кольцах и перстнях, постоянно присутствующих на них и визуально их увеличивающих, они смотрятся громадными. Руки - единственная часть тела Брендди Александр, которую пластическим хирургам не удалось изменить.

А Брендди и не пытается скрыть свои руки.

Мы побывали в огромном множестве домов, подобных этому. Я уже сбилась со счета. Риелторы постоянно встречают нас милыми улыбками. На сегодняшней риелторше стандартная униформа - темно-синий костюм. Шея обмотана легким красно-бело-голубым шарфиком. Она в туфлях на каблуках, тоже синих, на согнутой в локте руке висит синяя сумочка.

Риелторша переводит взгляд с крупных рук Брендди на сеньора Альфа Ромео, что стоит рядом с Брендди, и смотрит в его глаза. Они потрясающие. Глядеть в эти глаза долго - опасно. В них чистота непорочного ребенка, бесхитростная прелесть полевых цветов. А еще то, что заставляет влюбленного в сеньора Альфа Ромео человека наивно верить в надежность связи с ним.

Альфа - последний из вереницы представителей сильного пола, сведенных Брендди с ума. Он увлекся ею в самом начале длинного турне, продолжающегося вот уже год. Любая умная женщина знает, что красивый мужчина - лучший модный аксессуар.

Точно так же, как если бы она находилась на съемке рекламы машины или тостера, Брендди делает красивый жест рукой - проводит ею сверху вниз по воздуху, едва не касаясь собственных улыбающихся губ, шеи, пышного бюста.

- Позвольте вам представить, - говорит Брендди. - Сеньор Альфа Ромео, профессиональный сопровождающий принцессы Брендди Александр.

Рука Бренди так же плавно устремляется по невидимой линии от ее хлопающих ресниц ко мне.

Все, что может увидеть риелторша, так это мою густую вуаль, волны коричневого и красного муслина и бархата, облако тюля, украшенного серебром, на моей голове, – короче говоря, несчетное множество слоев разнообразных тканей, задрапированных и уложенных в складки таким образом, что, наверное, кажется, что под ними никого нет. Меня невозможно разглядеть, поэтому чаще всего люди просто не смотрят в мою сторону. По их лицам легко угадать, о чем они думают: «Спасибо, что не пытаешься открыть нам душу».

– Позвольте представить, – говорит Бренди. – Мисс Кей Макайзек. Личный секретарь принцессы Бренди Александр.

Риелторша в синем костюме с медными пуговицами, в шарфике, обмотанном вокруг шеи с целью сокрытия от посторонних глаз одряблевшую кожу, улыбается, глядя на Альфа Ромео.

Если человек не смотрит на тебя в упор, можно пялиться на него, сколько душе угодно. Рассмотреть в мельчайших подробностях и заметить все изъяны. При других обстоятельствах ты не позволил бы себе ничего подобного. Это твоя месть. Правда, сквозь пелену вуали и покровов все приобретает расплывчатые формы.

– Мисс Макайзек, – говорит Бренди, все еще указывая на меня рукой. – Мисс Макайзек нема. Она не может разговаривать.

Верхние зубы риелторши перепачканы губной помадой, синяки у нее под глазами неаккуратно загримированы тональным кремом и пудрой. Она в парике, пригодном для машинной стирки. Зубы у нее идеальные, наверняка ненатуральные. Зубы прет-а-порте.

Риелторша улыбается Бренди Александр.

– А это...

Крупной рукой в кольцах и перстнях Брендди касается своего убийственного бюста.

- Это...

Брендди дотрагивается до жемчужин на шее.

- Это...

Она обводит плавным жестом копну своих темно-рыжих волос, обвязанных шарфом.

- И вот это...

Брендди указывает пальцем на собственные полные и влажные губы.

- Это, - говорит Брендди, - и есть принцесса Брендди Александр.

Риелторша опускается на одно колено и склоняет голову. Получается нечто среднее между неуклюжим реверансом и тем, что делают, подходя к алтарю.

- Какая честь! - восклицает она. - Уверена, что этот дом как раз для вас. Наверняка вам понравится жить в нем.

Бесчувственная сучка - эта красавица умеет быть такой, - Брендди еле заметно кивает, без слов отворачивается от риелторши и направляется к выходу в холл, через который мы попали в гостиную.

- Ее высочество и мисс Макайзек, - говорит Альфа, - желают самостоятельно осмотреть дом. А мы с вами могли бы заняться обсуждением деталей. - Изящные руки взмывают вверх - он собирается пояснить, что имеет в виду. - Поговорим о методах перечисления денег... Лиры необходимо перевести в канадские доллары...

- Летуны, - произносит риелторша.

У Бренди, у меня и у Альфы – у нас троих перехватывает дыхание. Не исключено, что эта женщина с самого начала нашей встречи знает, с кем имеет дело. Может, кто-нибудь уже раскусил, какую аферу мы проворачиваем, ведь на нашей совести несчетное количество набегов на дома, подобные этому.

– Переведете лиры в птичек, в гагарок, – говорит риелторша. И вновь опускается на колено. – Мы называем наши доллары «гагарками», – поясняет она, выпрямляется и засовывает руку в синюю сумочку. – Сейчас я покажу вам. На наших долларовых купюрах изображена птица. Полярная гагара.

Лицо Бренди опять делается безразлично-холодным, она продолжает шагать по направлению к холлу. Я следую за ней. У меня перед глазами проплывает шикарная мебель эпохи Людовика Четырнадцатого, мраморный камин в завитушках. На протяжении краткого периода времени – равного, пожалуй, сроку жизни дыма, пущенного из сигары, – наши расплывчатые, искаженные отражения живут в покрытых лаком панелях красного дерева. Они двигаются вместе с нами, затуманенные, причудливые.

Мы выходим в холл. Я слышу, как Альфа Ромео засыпает риелторшу вопросами, стараясь целиком отвлечь от нас ее синее форменное внимание. Он спрашивает, под каким углом светят по утрам проникающие в гостиную лучи солнца, и о том, позволит ли правительство этой провинции построить за бассейном небольшой аэродром для вертолетов.

Идти вслед за Бренди Александр и смотреть на нее сзади весьма впечатляюще. Сногшибательные спину и плечи принцессы Бренди обтягивает жакет из чернобурки. По воздуху за ней плывут концы длиннущего парчового шарфа, обвязанного вокруг рыжей копны волос. Ее голос – даже когда она молчит – и аромат «Лер дю Там» от Нины Риччи – неосязаемый и неотъемлемый шлейф всего того, что называется миром Бренди Александр.

Прическа Бренди напоминают мне отрубную сдобу. Большой вишневый кекс. Земляничный гриб-облако, возникший над коралловым островом в Тихом океане.

Ноги принцессы заключены в своеобразные золотые путы-ногостержатели на острой шпильке и обвиты цепочками и золотистыми шнурками. Вот одна из этих захваченных в золотой плен, длинных, как ходули, ног ступает на первую из трех сотен ступеней, ведущих из холла на второй этаж. Вот она перемещается

на следующую ступеньку, вторая нога следует за ней. Отдалившись от меня на некоторое расстояние, Бренди поворачивается. Я смотрю на красивый профиль ее лица, пухлых графитовых губ, огромного бюста.

- Владелица этого дома, - говорит Бренди, - очень стара и принимает гормональные препараты. И продолжает здесь жить.

Ковер под нашими ногами настолько мягкий, что ступни утопают в нем, и кажется, что идешь по жидкой грязи. Поэтому чувствуешь себя не вполне комфортно.

Мы - Бренди, я и Альфа - очень долго разговариваем на английском языке, прикидываясь, что он для нас иностранный, и уже позабыли о том, что всего лишь притворяемся.

Я лишилась родного языка.

Запыленная люстра из темного камня на потолке над холлом находится теперь на уровне наших глаз. Если смотреть на серый мраморный пол сквозь фигурные столбики балюстрады, создается впечатление, что мы взбираемся по лестнице где-то в тучах. Шаг за шагом.

Уверенный голос Альфы становится все более отдаленным. Но разобрать, о чем он говорит, еще можно: о винных погребах и о псарнях для русских волкодавов. Постепенно его упорные старания отвлечь от нас внимание риелторши превращаются в едва различимые звуки, похожие на сигналы, доносящиеся из космоса.

- ...Принцесса Бренди Александр, - долетает до нас приглушенный голос Альфы Ромео. - Она такая, что может снять с себя одежду и закричать так, как ржут дикие лошади. Даже в ресторанах, в которых много-много людей...

Ее королевское величество, благоухающее «Лер дю Там», качает головой.

- В следующем доме... - слетает с графитовых королевских губ, - немой будет Альфа.

– ...Ваша грудь... – говорит Альфа риелторше. – Ваши две груди выглядят как груди совсем молодой женщины.

Ни у одного из нас троих больше нет родного языка.

Перенесемся наверх, в то мгновение, когда мы с Бренди уже поднялись по лестнице.

Перенесемся в те минуты, когда кажется, что все возможно.

Риелторша уже полностью во власти голубых глаз синьора Альфа Ромео, и начинается настоящая афера.

Спальня хозяев располагается обычно в конце коридора напротив лестницы. Ванная в спальне этого дома обшита розовыми зеркалами. Здесь все зеркальное – и многочисленные стены, и потолок. Принцесса Бренди и я – мы повсюду, отражаемся в каждой поверхности. Бренди присела на один край розовой раковины, я – на противоположный.

И Бренди Александр, и я сидим на краю раковины в каждом из зеркал. Сколько здесь Бренди, трудно сосчитать. И все они – мои боссы. Все они расстегивают замочки и открывают свои белые сумки из телячьей кожи. Сотни крупных рук Бренди Александр, украшенных перстнями и кольцами, достают по экземпляру «Настольного справочника врача» в красной обложке, он большой, словно Библия.

Отовсюду на меня устремляются накрашенные тенями насыщенного голубичного цвета глаза.

– Как действовать, ты знаешь, – говорят мне командным голосом сотни графитовых губ. Крупные руки принимаются за работу – выдвигают ящики и раскрывают дверцы шкафчиков. – Запоминай, что откуда достаешь. И все возвращай на место, – велят мне рты. – Сначала обследуем лекарства, потом – косметику. Ну же, за дело!

Я достаю первую бутылочку. Валиум. Я поворачиваю его таким образом, чтобы вся сотня принцесс Бренди смогла прочитать название на наклейке.

– Возьми столько, сколько считаешь нужным, и переходи к другой бутылке, – говорит Бренди.

Я добавляю валиум к уже лежащим в кармане моей сумки нескольким небольшим таблеткам голубого цвета и беру вторую бутылочку. Дарвон.

– Дорогая, когда кладешь в рот то, что сейчас у тебя в руках, создается впечатление, что ты в раю, – говорят все окружающие меня Бренди. Их взгляды прикованы к дарвону. – Не думаешь ли ты, что забирать все, что здесь есть, небезопасно?

Я рассматриваю наклейку на бутылке. Срок годности данного препарата истекает уже через месяц, а к нему, по-видимому, еще никто не притрагивался. Я решаю, что возьму половину.

– Послушай... – Со всех сторон ко мне тянется сотня крупных рук в перстнях и кольцах. Сотня крупных рук переворачивается ладонями вверх. – Дай Бренди парочку. У принцессы опять возобновились боли внизу спины.

Я извлекаю из бутылки десять капсул, и сотня рук берет их у меня и кладет – уже не десять, а тысячу – на высывающиеся из графитовых ртов красные ковровые поверхности языков. Убийственная доза дарвона проникает в темное внутреннее пространство, составляющее значительную часть мира Бренди Александр.

В следующей бутылке – маленькие пурпурные овалы. Таблетки премарина по два с половиной миллиграмма каждая.

Если расшифровать это название, то получится «моча беременной кобылы». Несчастные животные! Тысячи лошадей в Северной Дакоте и Центральной Канаде вынуждены стоять в тесных темных конюшенных стойлах с прикрепленными к ним катетерами, собирающими всю их мочу до последней капли. Выпускают бедолаг лишь для того, чтобы жеребцы опять их оттрахали. Забавно, но когда я об этом думаю, вспоминаю свое чересчур долгое пребывание в больнице. Такое суждено пережить не каждому.

– Только не смотри на меня так! – говорит Бренди. – Если я даже и вовсе отказалась бы от премарина, ни один из умерщвленных лошадиных детенышей

все равно не воскрес бы!

В следующей бутылке круглые рифленые таблетки персикового цвета по сто миллиграммов каждая. Это альдактон. Как видно, хозяйка дома имеет пристрастие к наркотикам, напичканным женскими гормонами.

Болеутоляющие и эстрогены. Их можно смело назвать наиболее обожаемыми Бренди продуктами питания. Она восклицает:

- Дай, дай, дай мне!

Малюсенькие таблетки эстинила в розовой оболочке – с этого Бренди начинается. Потом забрасывает в рот несколько бирюзовых круглых лепешечек, эстрас. Вагинальный премарин Бренди использует в качестве крема для рук.

- Мисс Кей, – говорит принцесса. – Дорогуша, у меня такое ощущение, что мои пальцы отказываются двигаться. Может, ты сама доведешь дело до конца? А я пока прилягу.

В розовых зеркалах ванной комнаты – сотни моих клонов. Мы просматриваем косметику, а принцесса Бренди уходит в спальню и ныряет в капустное великолепие розового балдахина, окружающего кровать.

Я нахожу таблетки дарвоцета, перкодана и компазина, нембутал и перкоцет. Оральные эстрогены. Антиандрогены. Прогестон. Кусочки эстрогенового пластыря. Того, что любит Бренди, здесь нет – ни румян цвета розовой ржавчины, ни насыщенно-голубичных теней.

Я нахожу вибратор. Срок годности батареек в нем давно истек – они набухли и изрыгают кислоту.

Этот дом принадлежит старухе, думаю я. Никому уже не нужной, заторможенной, с каждым днем неумолимо становящейся все более и более древней. Для такой, как она, многое уже непозволительно. Можно забыть о ярком макияже – он ведь все равно не поможет. О ночных увеселительных заведениях. О танцах до упаду на жарких вечеринках.

Мое дыхание под вуалью и влажными слоями шелка, сетки и жоржета становится горячим и отдает кислятиной. Впервые за сегодняшний день я снимаю с головы все эти причиндалы и смотрю на розовое отражение того, что осталось от моего лица.

Зеркало. Зеркало на стене. Кто в мире самый справедливый?

В один прекрасный момент наступает такой возраст, когда женщине следует отказаться от привычного метода властвования и перейти к другому. Например, к деньгам. Или к оружию.

Я живу так, как мне нравится, говорю я себе. Я люблю свою жизнь.

И я это заслужила.

Я получила именно то, чего хотела.

Глава третья

До того момента, как я повстречалась с Бренди, я мечтала лишь об одном: чтобы кто-нибудь спросил меня, что случилось с моим лицом.

Его склевали птицы.

Так мне хотелось ответить.

Птицы склевали мое лицо.

Но никто не желал ничего знать. Потом появилась Бренди Александр.

Только не думайте, что произошло какое-то невероятное совпадение. Случайное стечение обстоятельств. У нас с Бренди столько общего! Можно сказать, мы с ней – одного поля ягоды.

С некоторыми людьми это приключается раньше, с другими позже, – по воле случая или по закону гравитации, но заканчиваем мы все одинаково.

Превращаемся в уродов. Большинству женщин знакомо это чувство: когда с каждым последующим днем становишься все более и более незаметной.

Бренди появлялась в больнице на протяжении долгих месяцев. И я провела там не меньше времени. Единственное странно – нами занимался один и тот же пластический хирург, а их в городе сколько угодно.

* * *

Перенесемся в прошлое. К монашкам, работавшим в больнице медсестрами. Самое ужасное в монашках – их назойливость. Одна из этих сердобольных созданий все уши мне прожужжала про пациента с другого этажа – потешного и очаровательного. Он был юристом и мог показывать удивительные фокусы при помощи рук и бумажной салфетки. Эта монашка всегда появлялась в больнице в белом варианте обычного монашеского наряда. Она рассказала юристу обо мне. Ох уж эта сестра Кэтрин! Описала меня ему как «забавную» и «умную». И заявила, что мечтает о нашей с ним встрече и последующем сногшибательном романе.

Я в точности передаю вам ее слова.

Она подолгу смотрела на меня сквозь похожие на окуляры микроскопа толстые квадратные стекла очков в тонкой оправе, сидящих посередине ее носа. Кончик носа сестры Кэтрин густо покрыт ярко-красными разорванными венками. Розацея, она так это называла. Было бы естественнее, если бы эта женщина жила в доме из пряников и мишуры, а не в монастыре. И являлась бы женой Санта-Клауса, а не невестой Господа.

Накрахмаленный передник, который она постоянно носила, отличался такой ослепительной белизной, что пятна моей крови на нем – в день, когда меня только доставили в больницу после страшной автомобильной аварии, – выглядели необычно темными.

Мне дали ручку и листы бумаги. Только с их помощью я могла общаться с окружающими. Голову мою обложили ватными тампонами, обмазали каким-то

гелем и обмотали бинтом длиной в несколько ярдов. Все это закрепили сверху металлическими нитями. Распутаться у меня не получилось бы, даже если бы я очень этого захотела.

Мои волосы уложили назад. Неухоженные и забытые, они грязнились под бинтом, под который было невозможно проникнуть. Я стала невидимой женщиной.

Когда сестра Кэтрин впервые упомянула о том пациенте, я задумалась, не попадался ли мне на глаза ее находчивый потешный юрист-фокусник.

– Я не называла его находчивым, – ответила она.

И добавила:

– Он до сих пор немного стесняется.

На листе бумаги я написала:

до сих пор?

– С того момента, как с ним произошел несчастный случай, – ответила сестра Кэтрин и улыбнулась, изогнув брови дугами и опустив все свои подбородки на шею. – Он ехал, не пристегнувшись ремнем безопасности.

Она сказала:

– Его машина перевернулась вместе с ним. Бедняга.

Она сказала:

– Вот почему я считаю, что вы сможете стать прекрасной парой.

В тот период, когда я еще находилась под наркозом, кто-то вынес зеркало из ванной в моей палате. Впоследствии монашки старательно пытались не подпускать меня к полированным поверхностям, в которых можно увидеть свое отражение. Точно так же они опекали страдающих склонностью к самоубийству – тщательно прятали от них ножи и прочие острые предметы, и алкоголиков – не позволяли им брать в рот спиртное. Наиболее приближенным к зеркалу предметом стал для меня телевизор, но в нем я видела себя лишь такой, какой была прежде.

Если я просила показать мне фотографии, сделанные в день моей аварии, сестра Кэтрин категорично отвечала:

– Нет.

Они хранились в папке в сестринской, и казалось, все кому не лень имеют право на них смотреть. Все, кроме меня.

– Доктор считает, ты и так достаточно настрадалась, – говорила мне сестра Кэтрин.

Эта же самая монашка пыталась свести меня с бухгалтером, у которого во время взрыва пропана сгорели волосы и уши. Представила студенту последнего курса университета – ему удалили часть горла, где появилась раковая шишка. И мойщику окон, рухнувшему с третьего этажа на бетонную дорожку.

Все эти слова – «рухнул», «раковая шишка» употребляла сама сестра Кэтрин. Бедняга юрист.

Моя жуткая авария.

Сестра Кэтрин постоянно находилась со мной рядом. Каждые шесть часов она проверяла основные показатели состояния моего организма. Измеряла пульс, засекая время по своим огромным мужским серебряным наручным часам, и кровяное давление. Совала мне в ухо какое-то электрическое орудие, чтобы измерить температуру моего тела.

Сестра Кэтрин относилась к той категории людей, которые постоянно носят обручальное кольцо.

И была уверена, что ответ на все вопросы – любовь.

Перенесемся в тот день, когда случилась моя большая авария, так сильно встревожившая окружающих. Люди, толпившиеся перед кабинетом оказания неотложной помощи, расступились, как по команде, и пропустили меня вперед. Полицейские вручили мне лист, на котором у самого края сверху несмываемыми чернилами было написано: «Мемориальная больница Ла-Палома».

Сначала мне ввели морфин. Внутривенно. Потом усадили на кушетку.

Естественно, сама я плохо помню подробности того дня. О сделанных полицейскими фотографиях мне рассказала медсестра.

Отличного качества фотографиях форматом восемь на десять на глянцевой бумаге. Черно-белых, по словам монашки. На них я изображена сидящей на кушетке, прижимающейся спиной к белой стене кабинета. У дежурной медсестры ушло целых десять минут на то, чтобы разрезать мое платье операционными ножницами, похожими на маникюрные.

Эти мгновения я помню. Мое летнее платье... От Эспри, из тонкой хлопчатобумажной ткани. Когда я увидела его в каталоге, чуть не заказала сразу две штуки. Оно было легким и свободным, в нем я чувствовала себя исключительно. Когда ветер проникал вовнутрь сквозь проймы, мне казалось, он вот-вот поднимет края моего платья и закружит их веселым вихрем вокруг талии. В безветренную жаркую погоду, когда я потела и моя любимая одежда прилипала к телу, у меня возникало ощущение, что я оплетена десятком нежных благоухающих трав. Ткань делалась почти прозрачной. Я шла в своем платье по улице и чувствовала себя так, будто на меня устремлены тысячи прожекторов – люди чуть не разевали рты, глаза на меня. Я заходила в нем из девяностоградусного пекла в прохладу ресторанов, и в мою сторону мгновенно поворачивались головы всех присутствующих. На меня пялились так, словно я – лауреат национальной премии, достигший в какой-то области супервыдающихся достижений.

Вот так я себя чувствовала. Никогда не забуду ту уйму внимания, какую мне уделяли. В такие моменты вокруг меня всегда стояла девяностоградусная жара.

Я помню и белье, какое было на мне в тот день.

Прости меня, мама, прости меня, Господи, но на мне был всего лишь небольшой лоскутик ткани телесного цвета, прикрывающей самое сокровенное место, с пришитыми к нему двумя эластичными веревочками – одна обхватывала талию, другая проходила вдоль середины попы. Такие штуковины называют стрингами. Я надела их в тот день потому, что знала о свойстве своего платья становиться прозрачным. Ни один нормальный человек не в состоянии предвидеть, что сегодня попадет в аварию, что его увезут в больницу, что медсестра разрежет на нем одежду, а полиция станет снимать его сидящим на кушетке. Что ему введут морфий и что францисканская монахиня будет орать прямо у его уха, обращаясь к полиции:

– Быстрее делайте свои снимки! Человек все еще теряет кровь!

Нет, на самом деле все было гораздо забавнее, чем может показаться.

Я сидела на той самой кушетке, словно огромная испорченная кукла. На мне был лишь лоскутик ткани с эластичными веревочками, а мое лицо уже выглядело почти так, как выглядит сейчас.

Полицейские попросили сестру подержать над моим туловищем белую простыню, якобы для того, чтобы на фотографиях было видно только мое лицо. На самом же деле их смущал вид моей голой груди.

* * *

Перенесемся в тот день, когда мне впервые не разрешили смотреть фотографии.

Полиция заявила, что если бы пуля прошла парой дюймов выше, меня уже не было бы в живых.

Я не поняла, что они имеют в виду.

Вот если бы пуля прошла ниже, тогда она вообще бы в меня не попала. И я сжарилась бы в своем чудном летнем платье из тонкой хлопчатобумажной ткани, пока уговаривала бы парня из страховой компании бесплатно заменить стекло в моей машине – пострадало бы, наверное, именно оно. А после я поехала бы к бассейну, намазалась бы солнцезащитным кремом и принялась бы рассказывать каким-нибудь милым смышленным парням о своем приключении. Сказала бы, что ехала по скату автострады, когда по стеклу моей машины ударил брошенный черт знает кем камень. Может, это был вовсе и не камень.

И парни ответили бы:

– Вот это да!

Перенесемся к агенту сыскной полиции, который занимался осмотром моей машины на предмет фрагментов костей, металла и прочих деталей. Он увидел, что я ехала с наполовину открытым окном.

– Окно должно быть или полностью открыто, или закрыто. Трудно сосчитать, сколько автомобилистов на моей памяти лишились в автокатастрофах головы лишь только потому, что ехали с наполовину опущенным окном, – сообщил он, рассматривая фотографии с изображением меня, закрытой до подбородка – вернее, того, что от него осталось, – простыней.

Я не могла не рассмеяться.

Он применил именно это слово: автомобилисты.

Мой рот в таком состоянии, что я могу издавать лишь единственный звук – смех. И я рассмеялась.

Перенесемся в то время, когда фотографии были уже напечатаны. Люди останавливались как ошолобелые и таращили на меня глаза.

Парень, с которым я встречалась, Манус, пришел ко мне в тот вечер. После того, как мне сделали операцию, после того, как остановили кровотечение. Я лежала

в отдельной палате. И Манус нарисовался. Манус Келли считался моим женихом. До того момента, пока не увидел, во что я превратилась. Он сидел напротив и рассматривал черно-белые фотографии на глянцевой бумаге, показывающие, что стало с моим лицом. Он вертел каждую из них в руках, поворачивал разными сторонами, прищуривал глаза, словно держал в руках нечто подобное тем картинкам, на которых, если взглянуть мимолетно, изображена красавица, а если присмотреться – старая карга.

Манус воскликнул:

– О господи!

Потом пробормотал:

– Боже милостивый!

Потом:

– О, Иисусе Христе...

Когда состоялось наше первое свидание с Манусом, я все еще жила с предками. Манус показал мне жетон полицейского в бумажнике. А дома у него всегда хранилось оружие. Он был агентом сысской полиции и весьма успешно боролся с незаконной торговлей спиртным, проституцией и прочими человеческими пороками. Манусу было двадцать пять, а мне восемнадцать. Мы не походили друг на друга почти ни в чем, как май и декабрь, но начали встречаться. Все это – мир, в котором живут люди.

Однажды мы ездили кататься на яхте. На Манусе были плавки фирмы «Спидо», облегающие тело как вторая кожа. Любая женщина, если она не полная дура, поняла бы, с кем имеет дело – по меньшей мере с бисексуалом.

Моя лучшая подруга, Эви Коттрелл, фотомоделка. Эви считает, что красивым людям нельзя крутить друг с другом романы. Вдвоем они не производят на окружающих столь ошеломительного впечатления. Эви уверена, что стандарты оценки красоты тут же преломляются, если два привлекательных человека находятся рядом. Это сразу чувствуется, утверждает Эви. Когда оба любовника

красивы, ни один из них уже не смотрится красивым по-настоящему. Вместе, как пара – они гораздо меньшее, чем если бы были двумя отдельными частями.

Но в наше время ни на кого уже не обращают внимания.

Я снималась для одного рекламного ролика – длинного ролика, который все никак не кончался. Я ждала, что съемки вот-вот завершатся, ведь это всего лишь реклама, а они все продолжались и продолжались. Мы с Эви расхаживали в сексуальных вечерних обтягивающих фигуру платьях и невообразимых аксессуарах, прикладывая все усилия для того, чтобы заставить телеаудиторию купить фабрику производства легких закусок «Ням-ням».

Манус заехал за мной на студию. И спросил:

– Хочешь покататься на яхте?

Я ответила:

– Конечно!

Мы отправились на пристань. Мои солнцезащитные очки остались дома, и Манус купил мне другие. Они – точная копия очков Мануса – от Вюарне, только изготовили их в Корее, а не в Швейцарии, и цена у них соответствующая – два доллара.

На расстоянии трех миль от берега я падаю в воду. Манус бросает мне веревку, но я не могу ее поймать. Манус кидает банку пива, но она проплывает мимо меня. Жуткая головная боль... У меня болит голова. Я еще не знаю о том, что одно из стекол моих новых очков темнее второго, что оно почти не пропускает свет. Из-за этого я вижу только одним глазом и не в состоянии правильно оценить глубину.

Поэтому я считаю, что во всем виновато солнце, и, не снимая очков, бултыхаюсь в воде и схожу с ума от боли.

Перенесемся в тот день, когда Манус повторно навещает меня в больнице. Он смотрит на фотографии форматом восемь на десять на глянцевой бумаге, на которых я по подбородок закрыта белой простыней, и говорит, что мне следует продолжать жить полноценной жизнью. Что я должна начинать строить планы на будущее. Может, возобновить учебу. Получить степень.

Он сидит рядом с моей кроватью и держит перед собой фотографии таким образом, что я не вижу ни их, ни его лица. Я пишу карандашом на листе бумаги, что тоже хочу взглянуть на снимки.

– Когда я был ребенком, мы занимались разведением доберманов, – говорит Манус из-за фотографий. – Когда щенку исполняется шесть месяцев, следует купировать его уши и хвост. Так принято. Для этого едешь в мотель, в котором останавливается занимающийся этим человек. Он передвигается из города в город, из штата в штат и купирует хвосты и уши тысяч щенков доберманов, боксеров или бультерьеров.

На листе бумаги я пишу:

о чем это ты?

Я машу листом перед лицом Мануса.

– О том, что ты до конца своих дней будешь ненавидеть того человека, который отрезал твои уши и хвост, – говорит Манус. – Поэтому-то люди и ведут своих щенков не к местному ветеринару, а к незнакомцу.

Все еще просматривая одну фотографию за другой, Манус добавляет:

– Из тех же самых соображений я не хочу показывать тебе эти снимки.

Где-то за пределами больницы, в душном номере мотеля, заваленном окровавленными полотенцами, рядом с коробкой инструментов – ножей и игл – или в машине на пути к своей очередной жертве, или склоняясь над щенком, заторможенным от потрясения, сидящим в ванне с кровью, есть человек, которого ненавидят миллионы собак.

Манус продолжает:

- Вот только о жизни девочки с обложки тебе придется навсегда забыть.

Модный фотограф у меня в голове кричит:

Покажи мне сострадание!

Вспышка.

Покажи мне надежду на еще один шанс!

Вспышка.

Этим я занималась до аварии. Возможно, вы назовете меня вруньей, но до аварии я всем говорила, что учусь в колледже. Попробуй скажи предкам, что ты – модель, и тебе сразу испортят жизнь. Поднимут панику. Посчитают, что невольно прикоснулись к какой-то низшей форме существования. Начнут читать нотации. Или же вовсе перестанут с тобой общаться.

Совсем другое дело, если сообщаем им, что ты – студентка колледжа. Не важно, какого отделения, блистать перед ними знаниями вовсе не обязательно. Можно вообще ничего не знать. Просто говоришь, что занимаешься изучением токсикологии или биокинеза, и собеседник – будь то родитель или кто угодно другой – сразу сам переведет разговор в другое русло. Если это не действует, тогда прибегни к более действенному – упомяни о межнейронном синапсе голубиных зародышей.

Вообще-то когда-то я действительно была студенткой колледжа. У меня шесть сотен кредитов, я училась на персонального тренера по фитнесу. А родители считают, что я вот-вот стану врачом.

Прости меня, мама.

Прости меня, Господи.

Одно время мы с Эви любили посещать ночные клубы и бары. Мужчины толпами ждали нас у дверей дамской уборной, чтобы пригласить на съемки рекламных телепередач. Один парень всучил мне визитку и спросил, в каком агентстве я работаю.

После того как я переехала от родителей, мама стала периодически наведываться ко мне с визитами. Она курит, и однажды я, когда вернулась домой со съемок, застала ее у себя со спичечным коробком в руках.

- Что это значит? - многозначительно спросила мама, протягивая мне коробочку.

- Умоляю тебя, скажи мне, что ты не настолько неосмотрительна, как твой бедный покойный брат! - взмолилась она.

Оказалось, что на коробке, который так встревожил маму, написано имя неизвестного мне типа и чей-то номер телефона.

- И я уже не в первый раз нахожу у тебя подобные вещи. Ты что-то от нас скрываешь. Чем ты тут занимаешься? - продолжала расспрашивать мама.

Я не курю. И сказала ей об этом. Коробки с номерами телефонов я принимаю от парней потому, что слишком вежлива и не могу послать их подальше. А не выкидываю - потому что чересчур бережливая. Так они и копятся у меня, в основном лежат в выдвижном ящике кухонного стола. Хотя я тут же забываю и как выглядят эти парни, и их имена.

Перенесемся в один из обычных дней в больнице. Я вышла из кабинета логопеда, и медсестра повела меня по коридорам, поддерживая за локоть, чтобы я просто размяла ноги. Когда мы возвращались назад, я увидела ее. Бренди Александр! Двери кабинета логопеда были раскрыты, а Бренди сидела перед докторшей. Восхитительная и блистательная, с поистине королевским величием. На ней был переливчатый костюм от Вивьен Вествуд. Он менял цвет при каждом малейшем движении Бренди.

Она выглядела как само олицетворение моды.

Фотограф в моей голове закричал:

Покажи мне изумление, детка!

Вспышка.

Покажи мне восторг.

Вспышка.

Логопед сказала:

– Бренди, для того, чтобы твой голос стал более тонким, необходимо приподнять гортанный хрящ. Это та самая выпуклость, которая устремляется наверх, когда при пении ты берешь самые высокие ноты. Если хрящ переместить немного вверх, твой голос будет звучать в диапазоне между соль и до второй октавы. А это приблизительно сто шестьдесят герц.

Бренди Александр и то, как она выглядела, перевернули весь мой мир. Мне показалось, я в виртуальной реальности. Каждое мгновение она выглядела как-то иначе. Я делала шаг, и Бренди была зеленой. Второй шаг, и эта фантастическая особа становилась красной. Серебряной, золотой...

Потом она ушла.

– Несчастное, заплутавшее в мирской неразберихе создание, – сказала сестра Кэтрин, сплюнув на цементный пол, и взглянула на меня.

Я, как замороженная, смотрела в конец коридора.

– У тебя есть родственники? – спросила сестра Кэтрин.

Я написала на листке бумаги, прикрепленном к специальной дощечке:

у меня был брат-гомосексуалист

он умер от СПИДа.

Монашка ответила:

- Наверное, так лучше. Правда ведь?

Перенесемся в тот день, когда после последнего визита Мануса прошла уже целая неделя. Самого последнего визита. Ко мне заявляется Эви. Она рассматривает фотографии и сдавленным шепотом разговаривает с Господом и Иисусом Христом.

На коленях у Эви стопка журналов «Вог» и «Гламур». Она принесла их мне.

- Я поговорила о тебе с агентством. Они сказали, что могут переоформить твои договоры, чтобы ты продолжала с ними сотрудничать в качестве модели рук, - говорит Эви.

Она ведет речь о рекламировании колец для вечеринок, бриллиантовых браслетов для игры в теннис и прочего никчемного дерьма.

Неужели ей кажется, что мне приятно слышать подобные вещи?

Я не в состоянии ответить.

Я даже есть теперь не могу. Питаюсь только жидкостями.

Никто на меня не смотрит. Я ведь невидимая.

Я хочу лишь одного: чтобы кто-нибудь спросил, что произошло.

Тогда я была бы вполне довольна жизнью.

Эви смотрит на пачку журналов.

- Переезжай жить ко мне, когда выпишешься из больницы.

Она расстегивает застежку-молнию на своей сумке из парусины, положив ее на край моей кровати, засовывает в нее обе руки и добавляет:

- Нам будет весело вдвоем. Вот увидишь. Ненавижу жить в одиночестве.

Она говорит:

- Я уже перевезла твои вещи к себе. Положила их в свободную спальню.

Все еще роюсь в своей парусиновой сумке, Эви сообщает:

- А я иду на съемки. Если у тебя на руках есть контракты с какими-нибудь другими агентствами, может, уступишь их мне?

Я пишу на доске с листами бумаги:

на тебе мой свитер?

Я машу листком у нее перед лицом.

- Да, - отвечает она. - Но, надевая его, я была уверена, что ты не станешь возражать.

Я пишу:

но ведь он шестого размера.

Я пишу:

а ты носишь девятый.

– Послушай, – говорит Эви, – я должна бежать. Съёмки назначены на два. Зайду к тебе позже. Надеюсь, в следующий раз ты будешь в хорошем настроении.

Она пристально смотрит на часы и говорит, как будто обращаясь к ним:

– Мне ужасно жаль, что случилась такая беда. Но винить в этом некого.

Каждый день в больнице проходит примерно так.

Завтрак. Ленч. Обед. Сестра Кэтрин постоянно где-то поблизости.

Один из телеканалов транслирует только рекламные передачи. Они идут на нем целый день и целую ночь. И мы с Эви постоянно мелькаем. Мы вдвоем. За последнее время нам удалось заработать кучу баксов. Особенно за рекламу той фабрики «Ням-ням». В ней мы постоянно улыбаемся. Из-за этих не сползающих с губ улыбок наши лица похожи на комнатные электрообогреватели. На нас платья с блестками. Когда мы встаем в них под свет прожекторов, платья так сверкают, что кажется, нас снимают тысячи репортеров. Эффект потрясающий!

Я вижу себя. В этом обалденном платье, с ослепительной улыбкой на губах я стою на крыше фабрики «Ням-ням» и выбрасываю в дымовую трубу из органического стекла говяжьё, свиные, бараньи внутренности. Это все, проникая вовнутрь здания, якобы превращается в прехорошенькие канапе. А Эви предлагает эти канапе толпе народа.

Обычно люди соглашаются есть что угодно, лишь бы попасть на телеэкран.

После съёмок за мной заезжает Манус. И спрашивает:

– Хочешь покататься на яхте?

Я отвечаю:

– Конечно!

Какой же я была душой! Даже не догадывалась о том, что все это время происходило у меня за спиной.

Бренди сидит на стуле в кабинете логопеда и обрабатывает ногти кусочком картона, оторванного от спичечного коробка, – от той его части, о которую чиркают спички. Создается такое впечатление, что своими длинными ногами она в состоянии раздавить мотоцикл. Та минимальная часть тела Бренди, которая не представлена взгляду окружающих, втиснута в ворсистый материал. Кажется, она так и просится вырваться наружу.

Логопед говорит:

– Старайся, чтобы твоя голосовая щель была частично открыта, когда произносишь слова. Тогда при выдыхании и вдыхании воздух будет огибать голосовые связки, и голос станет более женственным, более беспомощным. Мэрилин Монро прибегала именно к этому методу. Например, когда пела президенту Кеннеди песню «С днем рождения».

Медсестра проводит меня мимо. Я в картонных тапочках, туго обмотанных вокруг головы бинтах, и от меня омерзительно пахнет. Бренди Александр оборачивается в самый неподходящий момент и моргает. Она моргает просто божественно. И почему-то напоминает мне фотографа.

Покажи мне радость. Покажи мне веселье. Покажи мне любовь.

Вспышка.

Должно быть, ангелы на небесах послали Бренди тысячу воздушных поцелуев, узнав, как она осветила мою жизнь. Вернувшись в свою палату, я пишу на бумаге:

кто это?

– Некто, с кем тебе не стоит связываться, – отвечает медсестра. – У тебя и так проблем по горло.

Я снова пишу:

но кто она такая?

– Ты не поверишь, но это человек, который каждую неделю становится кем-то другим.

Вот после чего сестра Кэтрин ударяется в поиски жениха для меня. Стремясь отвлечь мое внимание от Брендиса Александр, она находит мне юриста без носа. Дантиста, обожающего заниматься альпинизмом, – его лицо и руки обморожены и смотрятся чудовищно. Миссионера с покрытой черными пятнами кожей – это следы какого-то тропического грибкового заболевания. Автомеханика – он наклонился над аккумулятором, когда тот взорвался. Теперь у этого механика нет щек и губ, их съела кислота. Его желтые зубы торчат в разные стороны, как будто он постоянно рычит.

Я пишу:

вероятно, вы перебрали всех классных парней?

На протяжении всего своего пребывания в больнице я никоим образом не могла в кого-то влюбиться. До этого я еще не дошла. Остановилась на меньшем. Мне совсем не хотелось ни присоединиться к процессу какого бы то ни было развития, ни собирать по частям утраченное. Ни изменять то, к чему я стремилась. Я не намеревалась «смириться с судьбой», радоваться тому, что все еще жива, пытаться компенсировать потери. Все, что мне было нужно, так это чтобы моему лицу вернули нормальный вид. А это оказалось невозможным.

Когда мне казалось, что настал момент разрешить мне есть нормальную пищу, врачи опять повторяли: ничего, кроме куриного пюре, тертой моркови, детских смесей. Только толченое, кашеобразное и размельченное.

Ты то, что ты ешь.

Сестра Кэтрин приносит мне газету, раскрытую на странице «Знакомства», и напряженно следит за тем, как я читаю первое из объявлений.

«Привлекательный парень ищет стройную девушку – любительницу приключений. Желает вступить с ней в романтические отношения». Я пробегаю глазами остальные объявления. Все они примерно такого же содержания. М-да, никто не делает оговорки, что к ужасно изуродованным девушкам с ежедневно растущими медицинскими счетами их призыв не относится.

Сестра Кэтрин говорит:

– Ты можешь переписываться с мужчинами, которые сидят в тюрьме. Им все равно, как ты выглядишь.

Объяснять ей в письменном виде, что я испытываю в данный момент, мне просто не охота. На это уйдет слишком много времени и сил.

Я хлебаю свой супчик, а сестра Кэтрин зачитывает мне вслух некоторые из объявлений. На ее взгляд, предпочтение стоит отдать поджигателям. Или ворам-взломщикам. Или неплательщикам налогов.

Она говорит:

– Вступать в связь с насильником у тебя наверняка нет никакого желания. Эти люди безнадежно испорчены.

Произнеся речь об одиноких мужчинах за решеткой, посаженных за вооруженное ограбление и непредумышленное убийство, она вдруг замолкает и спрашивает, что со мной. Потом берет мою руку и глядит на пластмассовый браслет с именем у меня на запястье, словно разговаривает с ним.

«Эх ты, модель рук! – думаю я со злобной иронией. – Побрякушки, которые ты рекламируешь, так прекрасны, что сама господня невеста не может отвести от них взгляда!»

Сестра Кэтрин спрашивает:

– Что ты чувствуешь?

Какая потеха!

Она продолжает:

– Неужели тебе совсем не хочется влюбиться?

Фотограф в моей голове говорит:

Покажи мне терпение.

Вспышка.

Покажи мне самообладание.

Вспышка.

Все дело в том, что у меня всего лишь половина лица.

А на ватных тампонах под бинтами, приложенных к моей ране, до сих пор появляются новые, хоть и очень маленькие, пятна крови. Один из докторов – он совершает утренний обход и каждый день проверяет мою повязку – говорит, что рана до сих пор кровоточит.

Я по сей день не могу разговаривать.

Я должна забыть о карьере.

Я питаюсь лишь детскими смесями. И никто никогда больше не посмотрит на меня как на лауреата государственной премии.

Я пишу на листе бумаги:

со мной все в порядке.

все хорошо.

- Ты ведь даже как следует не погоревала, - говорит сестра Кэтрин. - Тебе не помешает хорошенько поплакать. А потом смириться со своей участью. Ты ведешь себя слишком спокойно.

Я пишу:

не смей меня мое лицо, если я заплачу, вообще расплывется так считает доктор.

Вообще-то я рада. Наконец хоть кто-то это заметил. Все это время я сохраняла нечеловеческое спокойствие. Можно сказать, я была самым олицетворением невозмутимости. Я ни на мгновение не поддавалась панике. Я видела собственную кровь, и сопли, и то, как осколки моих раскрошившихся зубов ударяются о приборную доску, но в истерику не впадала. Выкидывать подобные номера бессмысленно, если поблизости нет аудитории. Паникерствовать наедине с самим собой - все равно что хохотать, закрывшись в пустой комнате. Так может поступить разве что ненормальный.

Как только авария произошла, я сразу поняла, что умру, если не съеду с автострады, не поверну направо и, проехав двенадцать кварталов, не зарулю на парковочную площадку отделения неотложной помощи «Мемориальной больницы Ла-Палома».

Я сделала все вышеперечисленное. Потом взяла ключи и сумку, вышла из машины и направилась ко входу. Стеклопакетные двери разъехались передо мной прежде, чем я успела заметить в них свое отражение. А народ, толпившийся у кабинета врача - тут были и люди со сломанными ногами, и мамы, качавшие захлебывающихся от крика младенцев, - завидев меня, все они безмолвно расступились.

Потом был морфий внутривенно, малюсенькие операционные ножницы, разрезавшие мое платье. Трусики телесного цвета, которые, по сути дела, всего лишь лоскутик с пришитыми к нему эластичными веревками. Фотографии, сделанные полицией...

Агент сыскной полиции, тот самый, который обследовал мою машину на наличие фрагментов костей и тому подобного, который помнит десятки случаев, когда в катастрофах автомобилистам отрезало голову, однажды вновь приходит ко мне и сообщает, что больше ничего не сможет сделать. В мою машину, оставленную на парковочной площадке, через разбитое стекло залетели птицы. Чайки. Возможно, еще и сороки. Они склевали все, что у детективов называется доказательствами «мягких тканей». А фрагменты костей скорее всего унесли с собой.

– Вам известно, мисс, что эти твари делают с костями? – спрашивает сыщик. – Бьют их о скалы, чтобы получить костный мозг.

Я пишу карандашом на листе бумаги:

ха, ха, ха.

Перенесемся в тот момент, когда мои бинты вот-вот должны снять. Логопед сказала, что я обязана на коленях благодарить Господа за то, что он оставил невредимым мой язык. Мы сидим в ее кабинете, который наполовину заполнен столом из стали, и она, логопед, объясняет мне, каким образом, не двигая губами, произносят слова чревовещатели. Им важно произвести впечатление, что звуки исходят у них изнутри, поэтому они прижимают язык к нёбу и так разговаривают.

Вместо окна в кабинете логопеда плакат. На нем изображен котенок, заваленный спагетти, а внизу подпись:

Ставь акцент на позитивном.

Логопед говорит, что, если ты не можешь произнести тот или иной звук без помощи губ, замени его похожим звуком. Например, поясняет она, вместо «фэ», говори «хэ». О значении слова, в котором ты производишь эту замену, догадаются по смыслу.

– Я хочу посмотреть новые хотографии, – говорит логопед.

Я пишу на бумаге:

посмотрите.

– Да нет же, – отвечает она. – Тебе следует попытаться повторить за мной.

В последнее время мое горло постоянно сухое. Сколько бы в него ни вливали жидкости. Покрывшаяся тонкой пленкой поврежденная область вокруг языка жутко чешется.

Логопед повторяет:

– Я хочу посмотреть хотографии.

Я изрекаю:

– Галгхрэ иои г хихои кдки.

Врач отвечает:

– Нет, не так. Ты все делаешь неправильно. Попробуй еще раз.

– Голхих гиои ррр оких? – спрашиваю я.

Логопед качает головой:

– Нет, неверно.

Она смотрит на часы.

Я говорю:

– Гигри риор гиги к гиэл.

– Тебе придется много тренироваться! – восклицает логопед. – Занимайся этим самостоятельно. А сейчас попытайся все же повторить ту фразу, которую произнесла я.

– Крогир хи хкоэир хохеинкх хен, – выдаю я.

Она провозглашает:

– Хорошо! Молодец! Молодец! Вот видишь, все очень просто!

Я пишу карандашом на листе бумаги:

вы меня достали.

Перенесемся в тот день, когда с меня сняли бинты.

Я не ожидала ничего подобного, но все работники больницы – старшие врачи, доктора-новички, медсестры, вахтеры и даже повара, посчитали, что непременно должны остановиться возле процедурного кабинета и заглянуть вовнутрь. Если я встречалась с кем-нибудь из них взглядом, они тут же неестественно улыбались и выпаливали: поздравляю! Приподнятые вверх края их напряженных губ нервно вздрагивали. Пучеглазые! Так я думала о них всех. И вновь и вновь показывала им картонный прямоугольник с надписью:

спасибо.

Потом я убежала к себе. Мне привезли новое хлопчатобумажное летнее платье от Эспри. Сестра Кэтрин до самого ленча занималась при помощи щипцов для завивки моими волосами. В итоге они превратились в залитый глазурью большой торт. Эви принесла кое-что из косметики и накрутила мне глаза. Я надела свое модное платье, желая как можно быстрее вспотеть.

За все это лето я ни разу не видела ни одного зеркала. Если они мне и попадались, то я не сознавала, что отражающееся в них – это я. Фотографий, сделанных полицией, мне так и не показали. Наконец сестра Кэтрин и Эви закончили надо мною колдовать.

Я говорю:

– Ге хойл иока хог геохх.

Эви отвечает:

– Пожалуйста.

А сестра Кэтрин растерянно произносит:

– Но ведь ты только что поела.

Я прекрасно знаю, что меня не понимает ни единая живая душа.

И изрекаю:

– Конг химмер най гии голли.

Эви пожимает плечами:

– Да, это твои туфли, но я ношу их аккуратно. Можешь не беспокоиться.

А сестра Кэтрин сообщает:

– Нет, моя дорогая, писем сегодня нет. Но мы напишем заключенным сами. После того, как ты поспишь.

Они уходят. А я остаюсь одна. И... Интересно, насколько безобразно выглядит мое лицо, размышляю я.

Иногда быть изувеченным даже занятно. Для чего людям пирсинг, татуировки, скарификация?

Я веду речь о том, что все это неизменно привлекает внимание.

Первый выход на улицу раскрыл мне глаза на то, чего я лишилась. Все лето я просто отсутствовала. А вечеринки у бассейнов, загорание на пляжах, знакомства с парнями на тачках с откидным верхом – все это продолжало происходить без моего участия. Я поняла, что для меня подобные вещи, равно как пикники, игры в мяч, концерты, превратились в запечатленные на фотопленке картинки. Которые, кстати говоря, еще не стали фотографиями. Эви всегда все откладывает на потом. Уверена, что раньше Дня благодарения снимков мне не видать.

Я выхожу на улицу, и мир встречает меня поразительным многообразием красок. В больнице все белое. Мне кажется, что я никогда раньше не видела такого огромного количества цветов и оттенков. Я направляюсь в супермаркет. Обычное хождение между полок с товаром напоминает мне увлекательную игру, в которую я не играла с раннего детства. Я с наслаждением рассматриваю торговые знаки моих любимых фирм-производителей, яркие, красочные. Вот «Фрэнчиз Мастерд», «Райс-а-Рони», вот «Топ Рамен». И все это как будто манит, зовет.

Этикетки такие яркие и выполнены настолько качественно, что невозможно решить, какая из них лучше.

Совокупность красивых предметов – нечто гораздо меньшее, чем если бы все они были отдельными частями.

Все пакетики, банки и пачки составлены в ряд.

Передо мной радуга живописных торговых знаков. Смотреть, по сути дела, не на что.

Что касается людей, я могу видеть только их затылки. Если я поворачиваю голову даже очень быстро, успеваю заметить лишь мелькающее перед моими глазами ухо того или иного покупателя. Многие бормочут что-то о Господе.

– О боже! – доносится до меня справа. – Ты это видел?

– Интересно, это маска? – шепчут с другой стороны. – По-моему, до Хэллоуина еще далековато.

Люди вокруг меня сосредоточенно читают надписи на ярких этикетках.

Я беру заточенную в ярко-желтый полиэтиленовый плен тушку индейки.

Не знаю зачем. У меня нет денег, но я все равно ее беру. Сначала долго копаюсь в морозильном контейнере, перебираю замороженные мясные глыбы, выбираю самую крупную из них и торжественно поднимаю вверх, как маленький ребенок.

Я иду к кассам, прохожу мимо них, но меня никто не останавливает. Продавщицы и охрана с неуместным усердием читают бульварные газеты, уткнувшись в них носами.

– Геихн ги охо унг, – говорю я. – Ней гуи ихин лгух.

Никто не поворачивает в мою сторону головы.

– ХСХ УИК ИХ, – произношу я, как образцовый чревовещатель.

Все молчат. Разговаривает лишь одна из продавщиц – с покупателем, расплачивающимся чеком.

В этот самый момент раздается звонкий детский возглас:

– Посмотри!

Воцаряется гробовая тишина. У меня такое впечатление, что все присутствующие перестают дышать.

Ребенок повторяет:

– Посмотри! Посмотри же, мама! Вон туда! Чудовище украло еду!

От смущения все вокруг сокращаются в размерах – втягивают голову в плечи, как будто стоят на костылях. И с еще большим вниманием погружаются в чтение.

Девушка-монстр украла праздничную индейку...

Я стою, вспотевшая, в своем восхитительном платье с начинающей таять запакованной в желтый полиэтилен дохлой птицей в руках. Мое платье почти прозрачное. От холода, исходящего от индейки, у меня напрягаются соски. Прическа, которую мне сделала сестра Кэтрин, похожа на глазированный торт. Никто не смотрит на меня так, как будто я лауреат чего бы то ни было.

Раздается шум звучного шлепка. Чья-то рука залепляет ребенку подзатыльник. Тот раздражается ревом.

В плаче отчетливо слышны нотки страшной обиды – малыш не понял, за что его наказали. За окнами догорает закат. А внутри супермаркета царит мертвая тишина. Ее нарушает лишь детский плач.

– За что ты меня ударила? – безмолвно спрашивает у матери ребенок. – Я ведь не сделал ничего плохого. За что? Я не понимаю!

Я прижимаю индейку к груди, выхожу из супермаркета и быстрыми шагами иду по направлению к «Мемориальной больнице Ла-Палома». Темнеет.

Я крепко держу холодную тушку. В моей голове стучит: индейка, чайки, сороки.

Птицы.

Птицы склевали мое лицо.

По больничному коридору навстречу мне идет сестра Кэтрин. Одной рукой она придерживает шагающего рядом с ней мужчину, в другой – несет какую-то подставочку. Мужчина весь в бинтах, дренажных трубках и пластиковых пакетиках с красной и желтой жидкостью, втекающей и вытекающей из него.

Птицы склевали мое лицо.

Сестра Кэтрин кричит:

– Эй, дорогая моя! Я веду к тебе необыкновенного человека! Уверена, ты будешь счастлива с ним познакомиться!

Птицы склевали мое лицо.

Между ними и мной – кабинет логопеда. Я заглядываю вовнутрь и вижу Бренди Александр. В третий раз в своей жизни. Королева добра и света в платье-футляре от Версаче. Сегодня от нее веет ошеломляющим духом тоскливой безысходности и порочного смирения. Она неотразимая, но униженная. Жизнерадостная, но увечная. Ее несравненное величество – самое восхитительное из всего, что мне когда-либо доводилось видеть. Я останавливаюсь у приоткрытой двери кабинета и таращусь на Бренди.

– Что касается мужчин, – говорит логопед, – они ставят акцент на произносимые ими прилагательные. Например, если кто-то из них делает тебе комплимент, он скажет: сегодня ты такая красивая.

Бренди настолько красивая, что ее голову впору отрезать и выставить на витрину на синей бархатной ткани «У Тиффани». Кто-нибудь непременно купил бы ее даже за миллион долларов.

– А женщина сказала бы: сегодня ты такая красивая, – продолжает логопед. – Итак, запомни, Бренди: ты должна выделять модификатор, а не определение.

Бренди Александр поднимает свои голубичные глаза на меня, стоящую у двери, и говорит:

– Девушка, вы безбожно уродливы. Вы что, позволили слону посидеть у вас на лице?

Голос Бренди... Я практически не слышу, о чем она толкует. В это мгновение я растворяюсь в чувствах, которые вызывает во мне это неземное создание. Так ощущаешь себя, если наделен сверхъестественной красотой и любишь себя своим отражением в зеркале. Бренди – моя королевская семья. Единственный смысл в жизни.

Я говорю:

– Кхои хнс оик.

Я прохожу в кабинет и кладу холодную влажную индейку на колени логопеду.

Та замирает от неожиданности под тяжестью двадцати пяти футов мертвого мяса и вдавливается в свое крутящееся кожаное кресло на колесиках.

Сестра Кэтрин уже где-то рядом. Она кричит:

– Эй!

– Гирул хши хиаои иа, – произношу я и вывожу логопеда, сидящую в кресле, в коридор. – Ионик хинк гм.

Логопед приходит в себя, поднимает голову, смотрит на меня и улыбается:

– Не стоит делать мне подарков. Помогая тебе, я просто выполняю свою работу.

Монашка и мужчина в бинтах подходят к нам. Она привела мне нового жениха без кожи, или без лица, или без зубов. Жениха, который, как ей кажется, идеальный для меня вариант. Который станет любовью всей моей жизни. Моим искалеченным, изуродованным, обезображенным прекрасным принцем. Моим отвратительным будущим. Чудовищным остатком моих дней.

Я влетаю в кабинет, захлопываю за собой дверь и запираюсь изнутри на ключ. Мы вдвоем с Брендю Александр. Я хватаю со стального стола рабочую тетрадь логопеда и ручку, вырываю лист, пишу:

спаси меня.

Машу листком перед лицом Брендю. Потом дописываю:

пожалуйста.

Руки Брендю Александр – нечто невообразимое. Все и всегда начинается с именно с них. Брендю Александр протягивает мне правую кисть, с толстыми пальцами, украшенными кольцами. Выступающие вены на запястье придавлены разноцветными браслетами. Красота Брендю Александр – космическая.

– Итак, девочка, что же случилось с твоим лицом? – спрашивает Брендю.

Птицы.

Я пишу:

птицы. птицы склевали мое лицо.

Я смеюсь.

Брендю смотрит на меня со всей серьезностью.

– Что это значит?

Я продолжаю хохотать.

И пишу:

я ехала по автостраде.

Мне никак не успокоиться.

кто-то выстрелил в меня из винтовки тридцатого калибра.

пуля отсекла от моего лица всю челюстную кость.

Я все еще смеюсь.

И пишу:

я сразу приехала в больницу.

поэтому не умерла.

Смех уже душит меня.

вернуть кость на место врачи не смогли,

продолжаю я писать.

ее склевали чайки.

Я резко смолкаю.

– Девочка, у тебя кошмарный почерк! – замечает Бренди. – Рассказывай дальше.

На глаза наворачиваются слезы.

теперь я питаюсь только детскими смесями, пишу я.

и не могу разговаривать.

у меня не стало работы.

я лишилась дома.

и жениха.

никто на меня не смотрит.

а всю мою одежду... ее забрала моя лучшая подруга.

Я плачу.

– Что дальше? – спрашивает Бренди. – Расскажи мне все.

ребенок, пишу я.

маленький ребенок в супермаркете назвал меня чудовищем.

Голубичные глаза Бренди становятся строгими. Она смотрит прямо на меня.

– Ты воспринимаешь жизнь чертовски неправильно! Все, о чем ты можешь думать, так это только о той гадости, которая уже произошла.

Она говорит:

– Нельзя опираться только на прошлое или настоящее. Расскажи мне о своем будущем.

Бренди Александр поднимается со стула. Ее ноги заключены в золотые путы шнурков и цепочек. Она достает из сумки пудреницу, усыпанную драгоценными камнями, открывает ее и смотрит в зеркальце на внутренней стороне верхней створки.

– А логопед... – произносят графитовые губы Бренди. – Скорее всего она не в состоянии тебе помочь.

Крупные руки в кольцах и браслетах прикасаются к моим плечам и велят мне сесть на стул. Тот самый, на котором только что сидела сама Бренди. Сиденье еще хранит тепло ее задницы.

Бренди подносит пудреницу к моему лицу и располагает его так, чтобы я могла заглянуть вовнутрь. Я в изумлении обнаруживаю, что вместо пудры в ней – маленькие белые капсулы. А вместо зеркала – фотография улыбающейся Бренди Александр. Она выглядит сногшибательно.

– Это викодин, дорогуша, – говорит Бренди. – Я следую совету Мэрилин Монро: если принять любое лекарство в достаточном количестве, оно вылечит все, что угодно.

Она кивает на пудреницу:

– Угощайся.

Стройная и вечная богиня, Бренди Александр улыбается мне с фотографии, возвышаясь над горкой болеутоляющих капсул.

Вот так я познакомилась с ней. Вот так обрела силы не смиряться с судьбой. Вот так научилась не пытаться собирать по частицам разрушенное.

– А сейчас, – говорят графитовые губы, – ты еще раз расскажешь мне свою историю. Вернее, напишешь. А потом еще и еще раз. Ты будешь повторять одно и то же на протяжении всей ночи.

Королева Бренди устремляет на меня длинный палец.

– И тогда ты поймешь, что теперь все это – всего лишь рассказ. Рассказ о прошлом. Осознав, что твои горести превратились в пустые слова, ты сможешь с легкостью плюнуть на все, что было, и обо всем забыть. А потом спокойно решить, кем ты хочешь стать.

Глава четвертая

Перенесемся на канадскую границу.

К нам троим, сидящим в машине – взятом напрокат «линкольн-тауне». Мы ждем возможности отправиться в дальнейший путь – на юг от Ванкувера, Британской Колумбии, в Соединенные Штаты. Сеньор Ромео сидит за рулем. Бренди – с ним рядом. А я – одна, на заднем сиденье.

– У полицейских есть скрытые микрофоны, – говорит Бренди.

Наш замысел состоит в том, чтобы, перебравшись за границу, направиться напрямиком в Сиэтл. Там полно ночных клубов и дискотек. Многие из девочек и мальчиков, которые посещают подобные заведения, выстроятся в очередь, чтобы раскупить то, чем набиты кармашки моей сумки.

Нам следует соблюдать крайнюю осторожность. По обе стороны от границы – полицейские микрофоны. Они и с канадской стороны, и со стороны США. При помощи аппаратуры копы прослушивают, о чем разговаривают люди, ожидающие разрешения на выезд. У любого из нас могут оказаться кубинские сигары. Свежие фрукты. Бриллианты. Заразные заболевания. Наркотики. За милю до подъезда к границе Бренди велела нам помалкивать. Мы стоим в очереди и молчим.

Бренди разматывает парчовый шарф со своей прически. Он кажется бесконечным.

Бренди расправляет волосы и накрывает шарфом плечи и свой убийственный бюст. В уши она вдевает простенькие золотые кольца, а жемчуг на шее заменяет тонкой цепочкой с крестиком. В этот момент до нас доходит очередь, и мы предстаем перед окошком офицера пограничной охраны.

Офицер в синей форме с золотым знаком на груди в зеркальных солнцезащитных очках смотрит в компьютер и задает нам вопрос о гражданской принадлежности.

– Сэр, – протягивает Бренди. Ее новый голос неслыханно мил и мягок. – Сэр, мы граждане Соединенных Штатов Америки, страны, которую называли величайшей в мире до тех пор, пока ее не заполонили гомосексуалисты и распространители детской порнографии...

– Ваши имена? – спрашивает офицер.

Бренди склоняется к Альфе и смотрит через раскрытое окно в глаза пограничнику.

– Мой муж, – говорит она, – человек честный и непорочный.

– Назовите мне, пожалуйста, ваши имена, – настаивает офицер.

Он смотрит на номерной знак нашей машины, потом на монитор компьютера. Ему не составляет труда тут же узнать, что автомобиль, в котором мы сидим, взят напрокат в Биллингсе, штат Монтана, три недели назад. Возможно, ему уже известно, кто мы такие – три придурка, ворующие наркотики в богатых домах, выставленных на продажу. Не исключено, что в данный момент информация о нас высвечивается на мониторе его компьютера. А может, и нет.

– Я замужем, – почти выкрикивает Бренди, жаждущая обратить на себя внимание офицера. – Я супруга многоуважаемого Скутера Александра, – говорит она, облокотившись на колено Альфы.

– А это... – Бренди улыбается и проводит пальцем невидимую линию от своих губ к Альфе. – Это мой зять, Сет Томас.

Крупная кисть указывает на меня на заднем сиденье.

– А там моя дочь, Бубба-Джоан.

Бренди без предупреждения изменяет наши судьбы. Иногда это действует мне на нервы. Порой нам приходится по два раза в день привыкать к своей новой роли. К новым именам. Новым родственным отношениям. Новым физическим или умственным недостаткам.

Трудно вспомнить, кем я была в самом начале нашего пути.

Наверняка похожие отвратительные ощущения переживает постоянно видоизменяющийся вирус СПИДа.

– Сэр? – Офицер обращается с Сету, бывшему Альфе Ромео, бывшему Чейзу Манхэттену, бывшему Нэшу Рэмблеру, бывшему Уэллсу Фарбо, бывшему Эберхарду Фаберу. – Сэр, вы везете в США какие-нибудь покупки?

Я легонько ударяю ногой по нижней части сиденья своего нового супруга.

С одной стороны от нашего автомобиля – равнина из грязи, оставленная отливом. Небольшие волны движутся по направлению к нам. С другой стороны – цветочные клумбы с желтыми и красными бегониями.

– Только не говорите, что никогда не видели наших передач! – восклицает Бренди. – Они называются «Исцеление христианством». – Она играет пальцами с маленьким крестиком, который висит у нее на шее. – Если вы смотрели хотя бы одно наше шоу, то должны помнить: Господь в своей мудрости посчитал нужным сделать моего зятя немым. Сет не может разговаривать.

Офицер несколько раз ударяет по клавишам. То, что он напечатал, вполне может быть словом «ПРЕСТУПНИКИ». Или «НАРКОТИКИ». Или «ПОЙМАНЫ». Или это «КОНТРАБАНДА», или «АРЕСТ».

– Ни звука, – шепчет Бренди едва уловимо прямо в ухо Сету. – Если пикнешь, в Сиэтле я сделаю тебя Харвеем Уолбангером.

Офицер пограничной охраны заявляет:

– Чтобы позволить вам выехать за пределы Канады, я должен проверить ваши паспорта. Будьте любезны.

Бренди картинно облизывает губы. Ее глаза сияют загадочным блеском. Шарф неожиданно сползает с ее плеч, открывая взору шикарный полуобнаженный бюст.

Бренди смотрит на офицера и произносит:

– Одну минуточку.

Окно Сета бесшумно закрывается.

Бренди откидывается на спинку сиденья, делает глубокий вдох и выдох.

– Не поддаваться панике! – тихо приказывает она, достает губную помаду, целует зеркало заднего вида и принимается красить свои большие губы. Ее слегка трясет, и ей приходится придерживать руку с помадой другой рукой.

– Мы выберемся отсюда, – говорит она. – Но для этого мне понадобится презерватив и освежитель дыхания. Бубба-Джоан, будь умницей, дай маме «эстрадерм».

Сет протягивает ей презерватив и мятный освежитель дыхания.

– Интересно, сколько времени потребуется, чтобы недельный запас девичьего сока проник в задницу этого кретина? – произносит Бренди и закрывает помаду.

Я даю ей эстрагеновый пластырь.

Глава пятая

Вернемся в тот день, когда мы с Эви стоим среди толпы зевак у универмага «У Брумбах» и глазеем на чью-то собаку, задрывшую лапу возле репродукции «Воскресения Христова». Сделав свои дела, пес усаживается на землю, раздвигает задние лапы и принимается лизать мешковатую вонючую задницу. Эви легонько ударяет меня локтем в бок. Народ хлопает в ладоши и бросает монеты.

Мы заходим в магазин, начинаем рассматривать губные помады, пробуем некоторые из них, проводя по обратной стороне ладони.

– Интересно, почему собаки себя лижут? – спрашиваю я.

– Просто потому, что они могут... – говорит Эви. – Потому что они не такие, как люди.

В этот день мы восемь часов убили на учебу в школе фотомоделей.

Чтобы набрать проходной балл при поступлении, Эви, как обычно, прибегла к одной из своих многочисленных хитростей.

Эви красит губы помадой таких оттенков, какие видишь у основания пениса в порнофильмах. А теней на верхнее веко накладывает столько, что походит на подопытное животное системы изучения инфраструктуры рынка. От того количества лака, которое она выбрызгивает на волосы, в озоновом слое над Академией модельного искусства Тейлор Роббертс образовалась дыра.

Это было до моей аварии. Тогда мне казалось, что жизнь прекрасна.

На девятом этаже универмага «У Брумбах», где мы бродим после занятий, продают мебель. Вдоль стен здесь тянется ряд демонстрационных комнат: спален, столовых, гостиных, библиотек, детских, общих, вещевых, домашних офисов, кабинетов.

У всех у них нет одной стены. Этой стороной они повернуты в центр этажа. Со вкусом обставленные, идеально чистые, с покрытыми коврами полами, эти

комнаты освещены несколькими лампами, а мебель в них современная и удобная. Из скрытых от глаз покупателя динамиков раздается белый шум.

По затемненным линолеумным проходам движутся люди. Проходы эти отделяют комнаты от залитых прожекторным светом островков с наборами мебели в центре этажа. Диваны и кресла стоят на разной формы коврах. Их окружают искусственные растения. Умиротворенные мирки, средоточие света и красок в кишасей незнакомыми друг другу людьми темноте.

– Это напоминает мне звуковой киносъёмочный павильон, – говорит Эви. – Все готово для съёмки очередного эпизода. Студийная аудитория уже смотрит на тебя из темноты.

Покупатели проходят мимо, а мы с Эви растягиваемся на кровати с розовым балдахинном и звоним по мобильному, чтобы узнать предсказания астрологов. Мы уютно устраиваемся на обитой твидом диванной секции, жуем попкорн и смотрим всякую чепуху по телевизору, установленному напротив. Эви поднимает край футболки и показывает мне еще одно колечко в пупке. Оттягивает низ проймы, и я вижу имплантационные шрамы на ее теле.

– Мне так скучно у себя дома, – говорит Эви. – А когда на меня никто не смотрит, мне кажется, я не настоящая. Ненавижу это ощущение!

Она восклицает:

– Я слоняюсь по «Брумбаху» вовсе не потому, что мечтаю об уединении!

Дома, в моей квартире Манус со своими журналами. С порнографическими журналами для геев, которые он покупает якобы для работы. Каждое утро за завтраком Манус показывает мне красочные фотографии парней, сосущих собственный член. Руками они обхватывают согнутые в коленях ноги, а шею максимально вытягивают вниз, как журавли. Каждый из них потерян в своем маленьком замкнутом кругу. Можно поспорить, что все мужчины в мире хоть раз в жизни да пробовали проделать подобное.

Манус говорит:

– Вот что нравится нормальному парню.

Покажи мне романтику.

Вспышка.

Покажи мне самоотречение.

Каждый свернувшийся в петлю мужчина очень пластичен и имеет приличных размеров член, поэтому ему больше никто в мире не нужен.

Манус указывает на фотографии румяным тостом и заявляет:

– Этим парням нет нужды смириться с опостылевшими отношениями и нервничать по поводу проблем на работе.

Манус откусывает кусок тоста и, пережевывая его, рассматривает журналы.

– Так можно жить до самой смерти, – заключает он, ковыряясь вилкой в белке яичницы на тарелке.

После завтрака я отправляюсь в центр города в Академию модельного искусства Тейлор Роббертс и занимаюсь самосовершенствованием. Потом собака лижет свою задницу. Эви показывает мне следы членовредительства. Мы рассматриваем ее пупок. У Эви дома никого нет. Есть куча родительских денег. Когда мы впервые ехали с ней в «Брумбах» на городском автобусе, она расплатилась с водителем кредитной карточкой и попросила, чтобы ей дали место у окна. А еще очень переживала, что вес ее ручной клади превышает допустимую норму, и порывалась заплатить за нее.

Не знаю, что хуже – жить одной, как Эви, или вместе с Манусом.

В «Брумбахе» мы с Эви обычно дремлем в одной из дюжины великолепных спален. Или усаживаемся на обитые ситцем клубные стулья, засовываем ватные шарики между пальцев ног и красим ногти. Потом занимаемся по учебникам, выданным в школе Тейлор Роббертс, за длинным полированным обеденным столом.

– Эти комнаты напоминают мне воспроизведение естественной среды обитания в зоопарке, – говорит Эви. – Полярный лед из бетона, влажные джунгли из сварных труб с пульверизаторами. Не находишь?

Каждый день после обеда мы с Эви играем главные роли в нашей личной неестественной среде обитания. Продавщиц в это время обычно не бывает – они ускользают в мужскую уборную и занимаются там с кем-нибудь сексом. А мы устраиваем дневной спектакль, привлекая к себе внимание всех покупателей.

Все, что я усвоила на занятиях в школе Тейлор Роббертс, так это то, что при ходьбе таз должен играть ведущую роль. А плечи следует держать расправленными.

Когда рекламируешь какой-то товар, необходимо провести к нему невидимую зрительную линию. Например, если это тостер, нарисуй воздушную прямую, которая соединила бы с ним твою улыбку. Если это плита, проведи к ней черту от своей груди. Рекламируя новую машину, свяжи ее незримой нитью с низом живота. Все эти трюки сводятся к единственному – к принуждению людей излишне остро реагировать на какие-нибудь рисовые пирожные или новые туфли.

Мы пьем диетическую колу на розовой кровати в универсальном магазине «У Брумбах». Или сидим у туалетного столика и пытаемся при помощи корректирующих карандашей изменить форму своих лиц. Из темноты на нас пялят глаза люди. Мы видим только их очертания. Время от времени яркие огни ламп отражаются в стеклах чьих-то очков. Малейшее наше движение, каждый жест, каждое слово разжигает интерес окружающих. Это доставляет нам немалое удовольствие.

– Здесь так спокойно и безопасно, – протяжно произносит Эви, проводя рукой по розовому сатину стеганого одеяла, взбивая подушки. – И кажется, что ничего плохого никогда не произойдет. В академии все совсем по-другому. Или дома.

Абсолютно незнакомые нам люди в пиджаках стоят в линолеумном проходе и наблюдают за нами. Это походит на телевизионные ток-шоу, где так легко быть откровенным в присутствии целой студии народа. Можно болтать что угодно, главное, чтобы тебя слушали.

– Эви, дорогая, – говорю я. – Многие в нашем классе – гораздо хуже нас с тобой. Вот только знай меру, когда накладываешь румяна.

Мы поворачиваемся к зеркалу и смотрим на свои отражения. За нашими спинами тройной ряд наблюдающих из темноты.

– Возьми вот. – Я подаю Эви маленький спонж. – Растушуй.

И Эви начинает плакать. Когда на тебя смотрит толпа зрителей, эмоции накалены до предела. Все заканчивается приступом смеха или слезами, чего-то среднего не бывает. Бедные тигры в зоопарке! На них постоянно глазят. Вся их жизнь – большая опера!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/chak-palanik/newidimki-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)